

Книги Марика Лернера
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

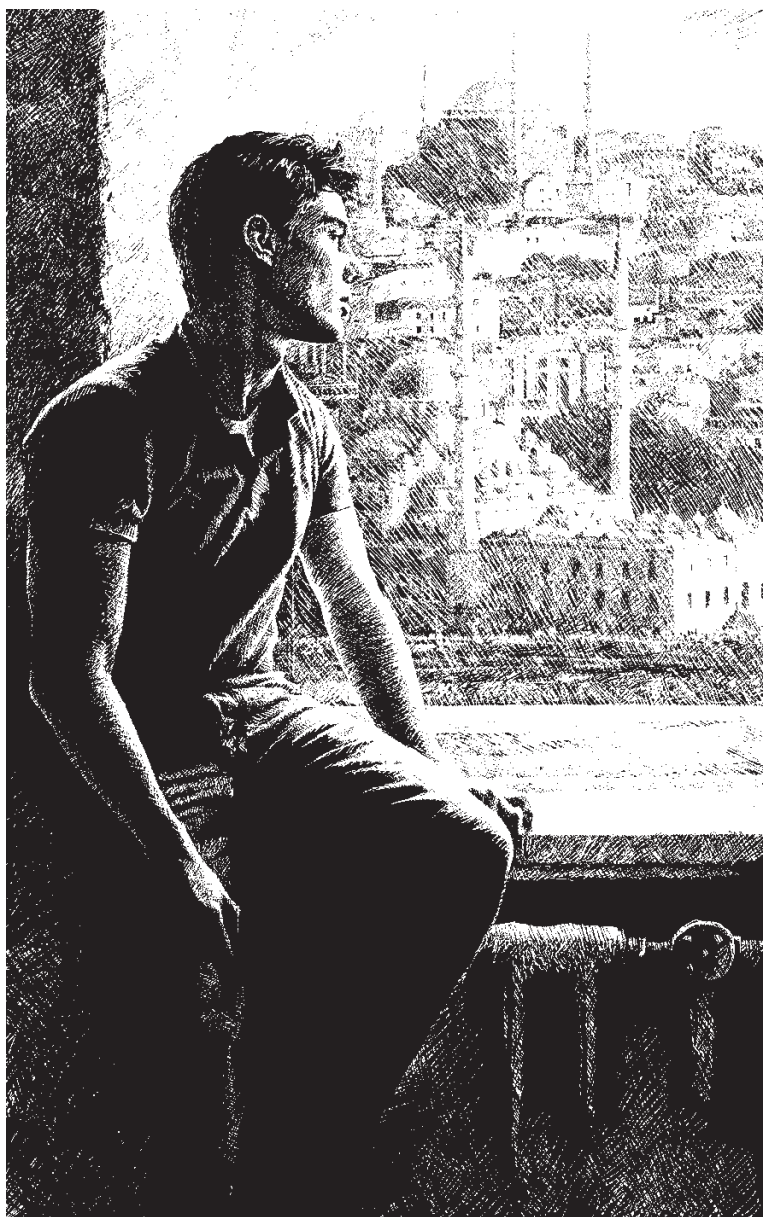
**ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА
ДОРОГА К НОВОЙ ЖИЗНИ
ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ**

**ЮНОСТЬ ВОИНА
ЗЕМЛЯ ВОИНА
БУДУЩЕЕ ВОИНА
ПОДАРИТЬ ЖИЗНЬ
ОБМАНУТЬ СМЕРТЬ**

СТРАНА БЕЛОВОДЬЕ

ВСАДНИК НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

ВСЕ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ

Глава 1

СПОРТИВНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

— У тебя еще хватает здоровья появляться тут после смены? — Старший тренер искренне удивился.

— Я здесь отдыхаю, — честно сознался. — В больнице все время в напряжении, и каждая собака норовит поучать. А здесь сам себе начальник.

— Ну давай, — откровенно довольный, махнул в сторону раздевалки Константин Семенович.

Ему хватает старших учеников, и спрос за показатели в первую очередь с них. Младшие сначала должны пройти отсев при помощи других спортсменов. Мне за это немалый бонус, пусть и без денег, а ему удобно.

С детьми заниматься проще всего. Они видят в тебе взрослого и умелого человека, много знающего и сильного. Потому фраза «ногу ставить правильно вот так» отторжения не вызывает. Правда, девять из десяти в течение года исчезают. Кто-то уйдет окончательно, кто-то — в другие виды спорта. Не всем дано, и не все способны. Останутся немногие, действительно заинтересованные и упертые. Вот с ними имеет смысл всерьез работать, чем и станет заниматься Константин Семенович. А новых мальцов с удовольствием спихнет на меня и в следующем году.

Ко всему прочему зарплата здесь минимальная и желающих трудиться не так много найдется. Но меня в основном интересуют не деньги, а возможность позаниматься в приличном зале. Ходить в платный — серьезная дырка в кармане, а потратить пару часов два раза в неделю на детей не такая уж великая проблема. Тем более здесь все культурно, все воспитанные. Родители с хорошими доходами, дети домашние и редко бывают беспричинно агрессивно жестокими.

Время пролетело быстро и, отправив группу по домам, перебрался к тренажерам. Для спарринга мне здесь никого не

найти, и давно всерьез не дрался. В России оборона без оружия, в просторечии ОБО, как-то не прижилась по неясным причинам. Вот на Балканах она очень популярна. Может, там просто проживают в немалом количестве горячие и буйные парни? Не зря ведь в Сербии, Болгарии и в городе Константинополе ОБО вполне официально изучается в армии и полиции в качестве системы рукопашного боя, рассчитанного на быстрое выведение из строя противника с ударами по уязвимым точкам тела и использованием любых предметов. Особо умные смеются над фильмами, где отмахиваются табуретками или тарелками с метлами, но не зря такое кино суперпопулярно.

Для многих добиться успеха в ОБО — путь навверх из нищеты. Профессионалы неплохо получают. Даже создана международная федерация, в которую входят, помимо балканских, спортсмены из многих стран. Есть даже американские и китайские. На последнем чемпионате холодные заторможенные прибалты едва не заняли первое место, повергнув в ярость толпы болельщиков. Отнять первенство у родины спорта? Теперь, без сомнения, пробиться навверх станет еще важнее и престижнее. Ну и денежнее.

По крайней мере, после появления спортивного варианта с четкими правилами, введением боксерских перчаток, установкой временных рамок и делением на весовые категории к ОБО в мире уже не относятся пренебрежительно, как к обычной драке. На тренировках используется защита. Все же, кроме ударов в пах и выдавливания глаз, практически нет запретов: кулаки, локти, колени, ноги, голова используются наравне с бросками и удушающими приемами.

— Да ничего в этом нет, — громко, чтоб слышали все в зале, сообщил некто лениво. — Новичка можно подловить, а хорошего боксера такой не достанет. Толку ему от локтя по груше, когда прямой словит.

Опять боксеры за мой счет забавляются. Давно разучился обращать внимание на шпильки.

— Они только в низкопробных киношках хороши! — поддержал еще некто сильно развитый.

— Не простоит и одного раунда в серьезном бою!

— Вы совсем обалдели — сводить настоящих мастеров спорта с балканскими драчунами? — Этот вроде пытается сбить накал, только малоприятным способом.

— Эй, — крикнул все тот же наглый, — к тебе обращаюсь. Как насчет небольшого спарринга?

Пришлось повернуться, оставив в покое грушу. Ну, как водится, пяток смутно знакомых типов, все ж залы рядом, но пересекаемся редко. Смотрят с усмешками, уверенные в превосходстве. Если все уровня Марата Бакирова, ничего удивительного. Странно было б его не признать. Олимпийская надежда и второй по рейтингу после Попенченко. До заслуг старшего товарища еще не добрался, но двукратный чемпион России и наверняка на этом не остановится. Если, конечно, ему не сломают шею или челюсть в таких вот дурацких поединках.

— И зачем мне это? — спросил я.

— Бойтся, — довольно вскричал чернявый носатый парень, смахивающий на кавказца.

— На такие подначки еще в детстве перестал реагировать, — нехотя объяснил я. — Ну поломаю я ему чего, меня ж в университете со свету сживут деканы с ректорами. Золотой медали, — постарался вложить в слова максимум сарказма, — на Летних играх лишил!

— Ты сначала попробуй! — набычился Марат. Кажется, я не тот тон взял. Возможность уйти без драки он не уловил.

— А если нокаутируешь меня или там крепко побьешь, что за радость?

— Ну ты спортсмен или нет?

— А все спортсмены обожают получать по мордам просто так?

— Он прав, — вмешался еще один боксер. — Если уж решились всерьез проверить, какой стиль правильной, давайте ставки делать.

Он сдернул с головы кепку и широким жестом швырнул на пол.

— А мне-то с того какая радость? — повторно воззвал я к остаткам разума, глядя, как собираются и другие присутствующие помимо боксеров, включая моих детишек. Поинтересовался: — Заработать на дурачках решили?

— Выиграешь — отдам машину, — неожиданно влез Марат.

Нет, определенно он намеков не понимает и закусил удила. Его «Антонов»¹ — последнего года, достался в качестве по-

¹ Легковая машина представительского класса, производимая российским предпринимателем Антоновым в Самаре. — *Здесь и далее примеч. авт.*

дарка от восхищенного болельщика. Фактически — гонорар за победу на российском чемпионате, только официально любитель не имеет права получать вознаграждение в любом виде. Вот и устраивают фокусы. Всем все прекрасно понятно, но правила обошли, и претензий быть не может. Только не стоит ставить его машину рядом с моим старым «фордом». Там разница на порядок в цене. Очень глупо так рисковать, пусть даже трижды уверен в себе. Один раз в год и пугач стреляет.

— Ну надевай перчатки и иди сюда, — сказал я, показывая на маты.

В конце концов, сколько можно изображать всепрощенца. А голыми руками дерутся только в подворотне, недолго и косточки повредить.

Он был силен, горяч и могуч. Ко всему еще на несколько килограммов тяжелее и убежден в превосходстве. Шел вперед, пробивая красивые, отработанные, сильные боксерские удары сериями. Один раз попади, и, конечно, не унесли бы меня бедного, но вряд ли удалось бы всерьез прыгать в дальнейшем. Жесткий левый сбоку или правый снизу в челюсть — пренеприятнейшая вещь. Пока не поступил в МГУ, я рос в ОБО постоянно. Обоистов регулярно сознательно стравливали с бойцами самых разных стилей — от классической борьбы до бокса. Опыт дает осознание, что и кроме тебя есть те, кто способен поймать на неизвестный коронный удар. С десяток аутов в свое время получил и урок усвоил.

Между нами была существенная разница. Марат — боксер, а я отнюдь не занимался спортивным ОБО, как считало большинство. Меня натаскивали на уличную драку. Бить резко, грязно, не дожидаясь, пока конфликт перейдет от словесного к кулачному. Использовать нож или любой попавшийся под руку предмет, от кирпича до вилки. Или сразу делать ноги, если противников несколько и столкновение чревато. Не всегда нужно калечить людей, даже если ты на это способен, и тем более, когда свидетели рядом.

Он принялся, пританцовывая, двигаться на меня. Так и должен был вести себя боксер. Именно это я уже неоднократно кушал.

Просто уклоняюсь в сторону, избегая прямого слева. Читать намерения спарринг-партнеров и уверенно предсказывать их действия может хороший профессионал с приличным опытом. И естественно, он никак не ожидал удара по бедру.

Руки в боксерской стойке закрывают торс и лицо, а ниже тело открыто. Бил не жалея, всей массой своих почти восьмидесяти килограммов. В легкой спортивной обуви доски не поразбиваешь, но умеючи тоже неплохо получается. Марат попытался пнуть в ответ, однако не его прием. Раскрылся и получил еще один сильный тычок ступней по внутренней стороне бедра.

Он запнулся и решительно пошел вперед, не собираясь больше прощупывать нырками и ложными движениями. Я без промедления ушел в сторону, не позволяя загнать себя в угол, и двинул по голеностопу. Он невольно отшатнулся назад от удара, а я повторил. Прекрасно зная, чего ожидать, будущий чемпион ничего противопоставить не мог. Боксерская стойка здесь не помогала, и я просто резво бегал вокруг, со всей дури продолжая колотить по ноге. Он уже откровенно хромал, передвигался с трудом, и, по-моему, каждому из присутствующих стало ясно, что если не догонит, то скоро будет стоять на колене и принимать удары без надежды на ответ.

И он попытался, попавшись. Резко атаковал. Подныриваю под Марата и беру его на элементарную «мельницу». В другой обстановке приложил бы непременно хребтом о землю с расчетом сломать чего. Сейчас просто обозначил удар носком в висок и отошел. К его чести, он не стал с диким рычанием кидаться снова или доказывать подлость моего поступка. Поднял руки, признавая поражение.

— Рабочее время закончилось, — сообщил для всех появившийся внезапно Константин Семенович. Видно, он давно был здесь и просто не хотел вмешиваться. А может, и меня заодно проверял. — Всем до свиданья.

Народ в глубокой задумчивости принялся расходиться. Мои детишки явно гордились успехом наставника, а заодно и сами прикидывали, как с помощью уроков всем во дворе навтыкать. Они уверены: смогут показать высокий класс, не задумываясь о сроках. Мне потребовались свыше десятка лет и тренировки с отнюдь не самым страшным из прежних знакомых. Были типы, порвавшие бы меня в кратчайшие сроки, не затрудняясь.

А быть может, и полезная демонстрация вышла. Умение постоять за себя, не спуская даже более сильному, в обычной жизни тоже пригодится. Если в тебе отсутствует беспричинная агрессивность, на улицы лупить первых встречных не пойдешь. Зато уверенность в собственных силах не самое

плохое качество. Для здешних первых парней на деревне из боксерских олимпийцев случайно вышло откровение. Кажется, до кое-кого из них дошло, насколько их мускулы и спортивные достижения могут подвести. Это не однокурсника-ботаника в школе отпихнуть с дороги. Не помогут тебе медали в иной неприятной ситуации.

Минут через сорок, наведя порядок, приняв душ и настроившись выспаться перед очередным дежурством, вышел и стал закрывать дверь. Отделившаяся от стены тень мне сильно не понравилась. Похоже, тихо не обойдется. Плохо. Фигура, заметно прихрамывая, подошла вплотную. Вроде больше никого не наблюдается.

— Вот, — сказал Марат, протягивая руку с брелоком от «Антонова». — Твое.

За спиной у него никто не маячил, и мне стало стыдно. Зря плохо подумал. Оказывается, нормальный парень и долги отдает.

— Оставь себе, — отмахнулся, возвращаясь к запираению двери.

— Я проиграл и не собираюсь отказываться от слова!

— Вот если б не пришел, я б непременно напомнил. А так... У меня сразу две причины не взять.

— И какие? — спросил он с подозрением.

— Ну, во-первых, ты думал, здесь спорт, а я отработывал драку. Оборону можно понимать по-разному. Лучшая, как известно, нападение. На будущее, кстати, неплохо бы запомнить: отсутствие могучих габаритов не означает, что противник не мастер спорта по борьбе или не имеет привычки к поножовщине. Ткнет перышком в бок, и моргнуть не успеешь.

Тренированный человек ростом около ста шестидесяти сантиметров весит примерно сорок пять килограммов, при росте около ста девяноста сантиметров — девяносто килограммов, то есть увеличение роста на двадцать процентов соответствует увеличению массы тела вдвое. Это он и сам замечательно знает. Другой баскетболист имеет за два метра роста и кулаки размером с арбуз. Только он от того же боксера словит ударов запросто, если сразу по башке не даст. Они профессионалы в разном.

— И мне очень не понравился этот смахивающий на кавказца тип.

— Он и есть дагестанец. И что?

— Подзуживал излишне нагло, но за твой счет. Сам связываться не собирался. А что произошло бы, врежь я без всякой опаски со злости по колену, объяснять надо? Если и соберут потом кости, про соревнования можешь забыть навсегда. Полагаю, твой приятель в курсе, что я могу. Когда в прошлом году в общагу заявила гоп-компания трести первокурсников, многие видели, как я этих типов спускал с лестницы.

Нас потом всех подряд таскали в полицию снимать показания. Никто заявку не написал, да и в худшем случае я отделался бы штрафом, но когда в больничку ложатся сразу трое с переломами, в отделении не могут не заинтересоваться. Раз шпана в отрицаловку ударилась, меня и трогать не за что. Даже знакомства подключить не потребовалось. Но кто-то из спортсменов мог взять ситуацию на заметку.

— И тогда его поведение воняет. Случайно не второй в очереди на олимпиаду в твоем весе?

Марат моргнул и промолчал. Похоже, я ненароком угодил прямо в цель. Кинуть лоха красиво — дело даже похвальное, но здесь откровенно несет исключительной подлостью. Подставить товарища под членовредительство и при любом раскладе остаться в стороне... Веселые нравы у них в команде.

— А во-вторых? — спросил он после длительной паузы.

Надеюсь, я не зря прямо сказал, не ограничившись кривыми намеками. Морду бить сразу за друга не кинулся и выводы сумеет сделать. Свои мозги все равно не вставлю и всю жизнь возиться с ним не собираюсь. Уже взрослый мальчик. Алкоголь ему свободно в магазине и барах продают, не спрашивая удостоверения личности. И не только за внешний вид, возраст тоже подходящий.

— Я совсем не бедный.

— Ага, — сказал Марат, выразительно глядя на мою побитую машину.

— Именно ага. Не бюджетник и не льготник. За мою учебу платит трастовый фонд. Распоряжаться им смогу только после окончания университета. Такое вот занятное условие выдвинул мой папаша при разводе, чтоб мать не прибрала к рукам его денежки и не спустила на брюлики.

Для пользы дела слегка приврать не жалко. То есть фонд реально существует, но отнюдь не за счет мифического папаши, который кроме флотского чина и красивой морды ничего не имел, да и жениться не собирался. Кстати, единственный раз, когда обожаемая мамочка не получила с папаши очеред-

ного ребенка приличных отступных. Видать, к моему имела чувства.

— И поверь мне, там после получения диплома хватит не только на парочку «роллс-ройсов», но и на приличный особняк в центре Петрограда. Так что отбирать у тебя честно завоеванное на ринге мне элементарно неудобно. Но! По совети, ты должен мне поставить пиво и обязательно познакомить с какой-нибудь подходящей девушкой!

Он, немного подумав, кивнул. Хороший выход из положения. Спортсмен-любитель получает от МГУ бесплатное обучение, питание, комнату в общежитии на одного (немалая привилегия, остальные живут вчетвером) и стипендию в шестьдесят рубликов на карманные расходы. Больше по закону нельзя, и чем выше в табели о рангах добьется успеха, тем с большей гарантией появятся фискалы из Спортивной ассоциации. Закон есть закон, и любитель не имеет права получать деньги в любой форме от тех, за чьи цвета он выступает. Не нравится — иди в профессионалы. Только туда с приличными гонорарами попадают, имея уже определенные результаты. К примеру, олимпийская медаль — некая гарантия, почти стопроцентная, высокого начального тарифа.

— Есть такая, — сказал Марат с ухмылкой. — Правда, можно ли назвать ее девушкой... Аллу Каменеву знаешь?

— Только не надо про меня ничего писать! — поспешно попросил я. — Или про эту историю. Тьфу. Не люблю внимание и излишний пафос.

Аллу в околоспортивных кругах знали многие и даже цитировали: «Я много и упорно работал, с детства мечтая прославить свою страну, и теперь надеюсь, что достигнутый успех непременно послужит примером для сотен и тысяч таких же парней, ищущих цель в жизни».

Редактор университетской газеты, пишушая и для вполне серьезных изданий отнюдь не мелкие заметки. Но все же это не целые «подвалы» по экономике и политике, а разные уголовные происшествия. Наверное, кому-то нравится такая работа, а как по мне, это где-то между сидением в пыльном архиве газеты и написанием некролога на известного человека. Премию Сытина¹ за такое творчество не дадут. Кстати, на вид девочка очень ничего.

¹ Аналог премии Пулитцера. Сытин — известный издатель в дореволюционной России.

— Это она и сама способна накатать без проблем, — сказал со знанием дела Марат, — даже не слушая, как иные бормочут про физики и технички характеристики. Но у нее есть пунктик, о котором знают только в определенных кругах: обязательно заполучить в личную коллекцию очередного выдающегося спортсмена. Она гимнастикой занималась и так владеет телом... — Он откровенно причмокнул. — Не пожалейшь! Ну а рекламу обеспечу.

— Значит, договорились! — подвел я итог с облегчением.

Мы оба вышли из ситуации с минимальными потерями и без обид.

— Ты знаешь, как меня это достало? — рассказывал чемпион через час в первом попавшемся баре, слегка выпив. — Ничего нельзя получать сверх однажды оговоренного. Дисквалифицируют. А на самом деле машина, работа вроде бы от посторонних людей, дом для родителей. Я обязан счищать снег с газона под окнами администрации. Дали несколько адресов и сказали: «Когда понадобится, обратитесь к этим людям». Не часто, но иной раз звонил. И делали вроде бы посторонние господа нечто мне нужное. Те же деньги со стороны. А я брал.

— Нет, — отобрал я пустую бутылку, — с тебя хватит. — То ли на старые дрожжи развезло, то ли это все от нервов и неудачного выступления, но разнесло парня всерьез. — Ты уже не думаешь, что болтаешь и кому. Поехали в общагу отсыпаться.

В няньки не нанимался и тащить его не собираюсь. Меня спойть сложно, да и крепче пива редко употребляю. И дело не в хитром клапане, как у писателя Ляндреса. Тем более у него не про славян сказано. Есть другие способы, только в основном на себе и применяю. Это даже не ОБО, тут светиться категорически противопоказано. Превращение спирта в глюкозу и витамин С прямо в крови проходит по части чуда. Следующая стадия — преобразование воды в вино и распятие на кресте. Спасибо, мне и так хорошо. Хотя мог бы нести счастье людям, спасая их от похмелья. И даже недурно зарабатывать на столь важной вещи.

— На мне наживались и университет, и Москва, — бормотал он уже на улице. — Люди покупали билеты на игры с моим участием, и для этого они приезжали в город, где должны были тратить деньги на питание, мотели и прочую муть. Еще больше доходов, прямых и побочных, — от рекламы, сопро-

вождавшей игры с моим участием. Так почему же я должен был позволять безвозмездно эксплуатировать себя?

Помнится, в США администрация колледжа, расположенного в центре сельскохозяйственного штата, заявила, что будет оплачивать очистку футбольного поля от морских водорослей. По той же причине. Напечатали в качестве курьеза. А ведь кто-то на этом погорел, иначе бы не всплыло. Как всегда, хочешь привлечь наиболее перспективных, а они рано или поздно требуют больше. И попадают.

— Таковы правила игры, — сообщил я, запихивая его в машину и мысленно чертыхаясь.

Опять мне боком вышла доброта. Вместо пьяных излиний мог еще час назад спать в койке, а теперь придется отвезти его до общаги и завтра тащиться в город на трамвае и метро с утра пораньше за «фордом». Ежедневная практика начинается с появления пред грозные очи начальства в больнице. Опаздывать нехорошо. Ну не отпускать же в таком виде! Обязательно в столб впишется или задавит кого.

Глава 2 СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

Дверь больницы хлопнула за спиной, отсекая окончательно дежурство, и я в мрачном настроении направился привычной дорогой к служебной стоянке. Нет, конечно, понимал с самого начала, чем пахнет онкологическое отделение, но все равно оказался не готов к бесконечному потоку боли и страданий. Уж на что временами было паршиво в травматологии, и то до такой степени не доходило. На скорой и вовсе почти идеально. Там я иногда мог вмешаться, не рекламируя себя, или определить с ходу неясную причину плохого состояния. Не зря быстро повесили кликуху «Диагност» и стали прислушиваться. Польза определенно имелась.

А здесь... Хуже всего, постоянно находиться в «скафандре» невозможно. Я ведь сюда не просто поразвлекчусь заглянул. Нормальная летняя практика после четвертого курса. Два месяца на положении полуврача, и фактически ничего самому не доверят. Впереди еще много дней присутствия без возможности серьезно помочь людям, зато с неперменной головной болью. Видимо, стоило идти на общих основаниях в провин-

циальный лазарет, а не просить направление именно в здешнее отделение.

Может, и прав был дядя Стоян, отговаривая от медицинского. Диплом фельдшера имеешь? Ну и радуйся. На всю жизнь выше крыши базовых знаний, тем более всем не поможешь, лучше и не пробовать. Не одного себя засветишь, все семейство. А на жирный кусок хлеба даже не с маслом, а с черной икрой точно хватит.

«Мне б твой талант, — говорил дядька с завистью. — Чисто, все по закону и без особого риска».

Ага, пусть кому другому рассказывает. Не настолько я пенек, чтоб давно не сообразить. Что он, что любой другой в нашей ненормальной семейке — натуральные адреналиновые наркоманы. Да я без особых проблем нашел для него несколько способов прекрасно нажиться, не входя в противоречие с УК. Стоян только посмеялся. Для него приятнее ходить по лезвию ножа регулярно, будто нет других способов заработать.

Уселся в свой старый фордик и, вставив ключ в зажигание, мысленно пообещал в ближайшее время загнать в гараж на профилактику. Похоже, он поймал посыл и не стал упрямиться, как с утра. Завелся практически сразу. Вот в чем в чем, а в машинах ничего не понимаю. И даже не пытаюсь разбираться. Колесо поменяю в крайнем случае, а все прочее пусть делают профессионалы. Им тоже деньги нужны, да и учились не зря.

Включил радио и без особого интереса выслушал про очередную свару в Думе между гневно поливающими правительство за недостатки конституционными кадетами и отпускающими ответные филиппики социал-демократами и социал-революционерами из коалиции. Для коллекции надо бы еще взять в компанию социал-националистов, но эти даже в худшие времена кризисов так и не смогли подняться выше трех десятков депутатов. Да еще и вечно раскалывались, не умея даже между собой договориться. Они с давних пор шли в одной компании с «Мирным обновлением» и «Реформаторами» по принципу «много шуму и мало толку». Влиять, в отличие от того же Торгово-промышленного союза или Крестьянской партии, ни на что не могли.

Впрочем, местная политика всегда волновала меня меньше всего. С появлением ядерен-батонков чуть больше двух десятилетий назад (жуткие капиталы Россия угрохала в проект,

пытаясь не остаться за кормой величия) разговоры про войну как-то утихли. Сколько бы Германия ни рвала на себе рубаху в приступах реваншизма, гораздо выгоднее оказалось вытеснение с Балкан и из Восточной Европы вражеских Англии и Франции экономическими методами. Сама по себе эта конкуренция не так и плоха, особенно когда США участвуют, требуя свободной торговли. Может, еще доживу до второго появления Европы Серебряного века, когда путешествовали свободно, получая штамп на границе, и шпионов повсеместно не ловили.

Опять в США беспорядки. В Детройт ввели войска. Нет, ну вот на кой мне это случилось в Москве? Пусть сами разбираются со своими проблемами. Будто непонятно, что не в черных дело. Навезли низкооплачиваемой рабочей силы и дождалась бунта. Включил легкую музыку. На «Классном радио» ночью новостями не морочат голову, даже ведущие почти молчат. Зато опять гоняют Yesterday. Достали уже своей битломанией. Я вроде молодой и вовсе не отсталый, но не понимаю этого захлестнувшего нас на манер психической болезни идиотизма под названием «Битлз». Куча певцов есть ничуть не хуже.

Тихонько доехал до проходной, служебный пропуск показывать не требуется, прикреплен прямо к лобовому стеклу, и дежурный поднял шлагбаум. На мигающем светофоре повернул направо. Самое умное не пилить через город, а спокойно, без помех в это время пройти по кольцевой. Лишние километры и расход бензина меня не особо напрягают. Нервы жальче, да и не знаю я здешних мест.

Из проходной больницы вышла бабка и, переваливаясь, двинулась в сторону рассвета. Такими темпами ей до вечера шкандыбать до следующего светофора. Автобусы начнут ходить часа через два. Куда ее несет? Не иначе в маразм впала и ушла бродить по белу свету. Санитаров потом выпорют со всей возможной строгостью, чтоб не сказать грубее, ведь родственники всех на уши поставят и правы будут.

Мысленно сплюнул, притормаживая. Я, безусловно, не ангел, но бывают ситуации, когда не мешает помочь. Как получал в детстве дедуля, для кармы полезно. Сделал гадость — для равновесия соверши нечто доброе. Это и есть типа высокий путь бушидо. Что он мог понимать в кодексе самураев, сроду не побывав в тех краях, я задумался гораздо позже. Тогда внимал со всем пылом молодости. Все ж в разного рода

мухлевании дед большой специалист и не забывал карму подправлять.

— Вам куда надобно, бабушка? — спросил, открывая окно.

— За Измайлово, внучок, — ответила сразу.

В голосе — легкая насмешка, однако говорит без придури. Аура нормальная. Устала, ноги болят, давление и еще чего-то по мелочи, с ходу не разобрать. Для своего возраста огурчик. И мозги вроде на месте.

— Это за железкой? Давайте подвезу.

— Так денег нет.

— А я про них говорил? Не такси, чай.

— Ну тогда ладно, — легко согласилась бабка, усаживаясь.

— Ремень, — предупредил я. Не то чтоб сильно боялся гайцов, в это время они сладко спят, но рефлекс. Слишком много я на «скорой» видел аварий.

— Конечно, — согласилась она сразу и потянула, демонстрируя наличие навыков и правильной мозговой деятельности.

— Что ж вы в такое время идете? — уточнил я, трогаясь, дождавшись пока пристегнется.

— Вдруг стало плохо, «скорая» вместо укола привезла сюда. Дома вроде инфаркт был, здесь ничего. Видать, с перепуга враз отпустило, — охотно сказала бабка. И, похоже, так и есть. Ничего такого неприятного не заметил. Остаточные явления не в счет. — Вроде приступ сняли, но оставили полежать. А мне чего там делать? Вот и пошла.

— И отпустили?

— А куда они денутся? Не хочу лежать, и все. Бумаги подписала, и до свиданья.

А потом хватит где-то спазм в дороге, и никто не виноват. Сама должна мозги иметь. Будто подождать обхода нельзя. Загорелось старой.

— И никто не мог приехать за вами?

— Внучка только сегодня возвращается из Петрограда, — хитро улыбнулась бабка. — Свадьба там у ее подружки. Зачем зря пугать. Она приедет, а меня нет. Записку оставить не догадалась, а телефона тамошнего не знала. Да и куда телефонировать, наверняка уже в поезде.

Она вполне толково поработала за штурмана, подсказывая правильную дорогу, и минут через двадцать мы приехали в нужный район. Вот уж не знал, что в Москве еще сохранились подобные места. Натуральная деревня. Старинные избы,

сложенные из почерневших бревен, с резными наличниками. Из-за заборов лениво погавкивали сторожевые полканы и кудахтали куры, а на улице, для разнообразия покрытой асфальтом, видны были многочисленные куски навоза. Не иначе тут с утра бродят коровы с задумчивым видом, погоняемые пастухом в драном треухе и прожженной сигаркой телогрейке. Правда, ватник летом вещь неподходящая.

Затормозил по команде у железных ворот. Очень мощные на вид, так просто не вышибить, как и калитку рядом.

— Ты ведь ночью работал, — сказала она утвердительно.

По пути честно доложил, кто таков и чего делал возле больницы. Тайны в том особой нет.

— Ага, — согласился я, невольно зевая.

— И ехать тебе до Алексеевки в общежитие далече. Короче, ты мне помог, оставайся. Выспишься, затем поедешь. А то заснешь за рулем, худо будет.

— Вы это всерьез? — аж раскрыл от неожиданности рот.

Для приезжих существовала общага на самом краю города, куда добирались на трамвае, и от учебных корпусов приходилось пилить часа два. Но гораздо неприятнее — мест на всех не хватало. И уже не влияла обстановка: железная койка с тумбочкой в комнате на несколько коек, общая уборная и умывальник без душа. Потому что получить бесплатное место могли, помимо отличников учебы и первокурсников, исключительно счастливы и умеющие хорошо подлизаться к начальству. Остальные снимали комнаты. Когда самостоятельно, а когда и целой компанией.

Многие брались за подработку, жизнь в Москве даже на окраине не самая дешевая. Я не был ни первым, ни вторым, ни третьим и удержался до сего дня исключительно за счет добровольной уборки спортзала при университете. В смысле, бесплатной и не отягощающей бюджет учебного заведения. Занимает час, и помещение в твоём распоряжении. Можно даже ночевать или приводить гостей, что временами и делал. Тут главное — не попадаться и не оставлять следов.

— А почему нет? Постелю на диванчике — заслужил помогаю.

Проснулся от осветивших лицо солнечных лучей. Стало жарко и излишне светло. Машинально глянул на часы — уже скоро полдень. Неплохо я вздремнул. Тихо, никто не орет ря-

дом из соседей по общежитию, и тем более не празднуют полночи с пьяными выходками и драками. Замечательное место.

Ночью было не до того, а сейчас с интересом посмотрел на книжные полки. Говорят, по ним многое можно понять о хозяевах дома. Как минимум выяснить, чем интересуются. Ну, этот набор явно не бабкин. Внучка читает. Потому что книги четко делились на несколько категорий.

Классика российская и иностранная не в счет. Практически все, кроме рассказов Чехова и «Трех мушкетеров», изучают в гимназии. Вот стоящие по соседству учебники уже красноречивы. Справочники по бухгалтерии, делопроизводству, скорописи, машинописи (слепой метод), математика, правописание и еще по мелочи в том же роде. Профессия определяется моментально. Не официантка. Это уж точно.

Вторая часть, и в немалом количестве, начиналась совершенно детскими сказками (книжки эти были крайне потрепанного вида) и переходила в сплошную фантастику и фэнтези. Наряду с модным Толкином — Андре Нортон, Каттнер, Желязны, Азимов, Ле Гуин, Стругацкие, Корсак, Мерль, Хайнлайн, Саймак, Шекли, Брэдбери, Лем и еще три десятка авторов, часть из которых в первый раз вижу. И все — иностранные.

Забавно, никогда раньше не замечал, сколько среди американских авторов эмигрантов и как мало пишущих фантастику в Восточной Европе. Фактически из приличных имеется один пан Станислав. Остальные уехали в более благодатные края. А ведь любопытно, как бы выглядел, например, «Парень из преисподней» в русском, а не в американском варианте. Наверняка бы персонажи вечно копались в душе и крестились на купола. Прогрессор с неуверенностью в собственной правоте — изумительное сочетание, но без достоевщины никак.

Еще имелась всякая эзотерика на манер Блаватской, каббала, суфизм, йога и прочее в том же роде, включая «Молот ведьм» и способы поиска магов для предания их костру и пытке. Естественно, без Истории инквизиции и парочки книг про тайные ордена не обошлось. Занятные у нее интересы.

Странная девица. Ни одной книжки с атлетически сложенным красавцем, сжимающим в объятиях хрупкую блондинку на обложке. Может, она еще и сериалы про барышень из института благородных девиц не смотрит? Телевизор у них

точно имеется, и не из старых. А как же мечта золушек из рабочих кварталов о богатом страстном мужчине, который женится вопреки стерве-любовнице и гадюке-матери? Никогда не понимал подобных сериалов. Дураку понятно, раз гулял напропалую до свадьбы, то и после нее продолжит. И жаловаться некому. Свекровь и бывшая любовница не оценят доброго отношения.

Эге, а на этой полке отнюдь не в два ряда книжки стоят, как на первый взгляд представляется. По крайней мере, не все. Извлек парочку томов про практики шаманизма, неизвестной мне сайентологии и обнаружил сзади отнюдь не девичий дневник. Коробка с браунингом девять миллиметров, как бы не модель тысяча девятьсот двенадцатого года. В смысле, до жути старый, хотя и ухоженный, с причиндалами от кобуры поясной и наплечной. А, нет. Восемь патронов в магазине. Вроде двадцать второго года модель. Все равно старый. Удобное оружие. Малый вес и размер. Подходит для скрытого ношения и для рук девушки из-за малой отдачи.

Тут же — пятьдесят патронов в коробке. Стандартные, семь пятьдесят стоят. А вот сам пистолет по нынешним временам как бы не по части антиквариата. Миллионов на нем не сделаешь, все ж не редкость огромная, но тысяч десять — вполне. В Сербии по лицензии клепали в Великую войну. На Балканах встретить до сих пор не проблема. Получается, и до России отдельные экземпляры добрались еще в те времена. Не похоже на коллекционное. Запах масла свежий. Стреляли и чистили не так давно.

Хм... не удивлюсь наличию в доме и карабина или помповой «ижевки». И дело не в том, что у русских собственная гордость и наша гладкостволка лучше их ремингтона. Вторая по распространенности и продаваемости (цена, в отличие от импортных стволов, низкая) в стране. С конца девятнадцатого века до сороковых годов нашего выпускалась, и купить можно было свободно. Только все ж не для города. Охотничье оружие. А пистолет — вполне нормально. Тем более и продают лицам без криминального прошлого и психических заболеваний совершенно свободно. Вот автоматическое — под запретом. Пулеметик так просто не достать.

Тут о себе напомнил некий важный орган, обиженный на невнимание. Торопливо запихнул ужасную огнестрельную тайну в тайник. Стремительно перескочил через перила в ве-

ранде и бодро помчался за угол в сторону деревянного помещения с дыркой.

Сколько себя помню, всегда бегал. В школу, к друзьям, на работу — всегда на полной скорости. Да, да. Дедушка меня воспитывал по собственным правилам. И одно из них звучало так: «Нужны деньги на расходы — заработай!»

И чего я только не делал! Разносил газеты, мыл окна, убирал улицу, чистил подвалы, развозил на тележке продукты по домам. В семь лет вставал в пять часов утра, чтобы помочь молочнику разгрузить ящики, а затем загрузить их пустыми бутылками.

«Вообще странно это», — умываясь под краном, подумал я. Водопровод провели, газовая колонка в доме имеется, электричество и телефон присутствуют, а по нужде приходится бегать в туалет типа деревянный ящик с очком без слива. В теплое время еще ничего, но зимой или в дождь? Брр. Ведь район точно входит в городскую черту, и не первое десятилетие. Куда смотрит городская Дума?

Повернулся и чуть не столкнулся с девицей лет двадцати, держащей в руках полотенце. Маленькая, ниже меня на голову, с прекрасной фигурой. Талия, грудь, и отсутствует новомодная истощенность Твигги. Щечки не впалые и румяные. Не сказать, что красавица, но очень подходит слово «милая». А еще нечто в ней присутствовало трудно объяснимое. Смутное подозрение на некие азиатские ветры. Я б и сам не смог ответить, откуда пришла эта мысль, разрез глаз нормальный, смуглости не наблюдается. И все же в предках затесался дикий татарин или какой лихой туркмен, что придавало ее облику определенную прелесть. Мужики наверняка оборачиваются.

Сейчас она одета по-простому, в линиялый сарафанчик, длинные темные волосы забраны в хвост резинкой, но хочется срочно произвести приятное впечатление. Автоматически щелкнул босыми пятками, вытягиваясь, и подчеркнуто гвардейски склонил голову.

— Андрей Мироев. Позвольте поцеловать ручку.

— Не из графьев производишь? — спросила она голосом со странной хрипотцой.

— Папенька мой — дворянин старинного рода, — гордо провозгласил я, — правда, видеть его с младенчества не приходилось в связи с разводом. Может, даже князь. Не в курсе.

И кстати, многие по фамилии принимают за болгарина, что в каком-то смысле правда. Хотя отец не просто русский, а еще и старинного рода. Не вру.

— Ну и чего придуриваешься? — кидая полотенцем в лицо, резонно спросила девушка, глядя суровыми серыми глазами. — Дворянство как сословие и его привилегии отменены в Российской державе в тысяча девятьсот восемнадцатом году в связи с полной импотенцией монархии и императора и их заменой на республику. Вытирайся и приходи обедать.

Непринужденный переход на «ты» вполне устроил. Могла бы и обдать холодом, а это почти признание.

— Зовут-то тебя как, красавица? — крикнул уже в спину.

— Катя, — ответила она, не оборачиваясь.

Ага. Екатерина. О! Вот она кого мне напоминает — актрису, сыгравшую Катюшу Маслову. Еще и тезки. Как же ее... Вечно забываю фамилии. Ну не буквально, конечно, похожа, но рядом поставь — за сестер запросто примут.

Обедали мы втроем. В меню оказались борщ и немудреное блюдо: паста с соусом, котлета и соленый огурчик. Что еще надо бедному студенту, чтоб набить брюхо? Правильно. Домашний компот. Ничего особенного, но на вкус блюда гораздо приятнее дешевой забегаловки за углом общаги. Есть места, конечно, и приличнее, но гурмана из меня не вышло, и что иные находят в суши или еще какой экзотике, не понимаю. Притом что употребляю практически все. В детстве многое приходилось пробовать. В интернациональном городе и блюда соответствующие.

Если честно, разницу между греческой, болгарской, турецкой и армянской кухней найти не так просто. Слишком долго жили рядом. Вот французская заметно отличалась. А русская или украинская — тоже неизвестно, где одна в другую переходит. Вывод, по крайней мере, из моего опыта, — пища должна быть простой, сытной и желателно острой. Не сильно, но специи обязаны присутствовать.

— Было очень вкусно, — сказал я абсолютно честно, закончив и не вспомнив правил этикета.

Должен ли я ждать, пока ковыряющая в тарелке на манер умирающей черепахи Алевтина Васильевна отодвинет тарелку, или, сориентировавшись на Катю, с похвальной быстротой все слопавшей и не вспоминающей о поддержании фигуры в правильном состоянии, сообщить об окончании трапе-

зы. Потому решил доложить о впечатлении о внезапно свалившемся обеде.

— То есть не прочь столоваться также регулярно? — спросила с намеком бабуля.

— В смысле?

— В прямом, — пробурчала девушка. — Бабушке кажется, что тебе удобнее было бы добираться до больницы отсюда. А она тебя станет кормить, — в голосе отсутствовал энтузиазм. Кажется, идея ей пригласилась не особо по душе. — За комнату не возьмем, только за питание. Ну, рублей тридцать, пожалуй, нормально будет. А ты заодно присмотришь за больной.

— Я здорова!

— Заманчиво, — согласился я, даже не раздумывая. Где еще такие замечательные условия предложат, да еще и за такую сумму. — Только сразу предупреждаю: огород возделывать не буду. И времени нет, и вообще человек абсолютно городской и запросто вместо сорняков морковку какую повыдергиваю.

Алевтина Васильевна улыбнулась ласково, вызывая стойкое подозрение, что так или иначе припадет к полезному труду.

— Еще ночью могу забраться в холодильник, — предупредил поспешно, — молока выпить или ухватить чего.

— Пиво, пицца и прочие радости — за свой счет. Молоко будет свежее, пользуйся, но оно из-под коровы. Не всем городским нравится.

— Договорились. Комната моя на веранде? Тогда я пошел, а ты тащи медицинскую карточку, лучше сходи в поликлинику напрямую к старшей медсестре, чтоб выдали в связи с болезнью, — это ей работа минимум на пару часов, успею еще подремать спокойно, — и выписку из больницы.

Не успел прилечь на прежнее место, как без стука вперлась Катя и с ходу молча выложила мне под нос затребованное плюс кучу всяких справок. Не иначе с утра сбежала. Сообразительная. Сверху на закуску — бумажка с записями давления за пару месяцев. Пришлось, мысленно вздохнув, усесться и приступить к изучению.

— Ну что, — закончив продираться сквозь многочисленные изумительные почерки докторов, сообщил я спустя некоторое время, — даже учитывая отсутствие диплома, могу смело заверить: ничего ужасного не наблюдается. Странно, что

вообще дошло до скорой. Должна была сильно возбудиться или расстроиться. Ничего не случилось?

Похоже, в интимные подробности семейного существования меня посвящать не собирались. Катя молчала. Как бы не с ней и отъездом связано, только спрашивать незачем.

— Можно сказать, для ее возраста состояние организма просто замечательное. Давление слегка повышенное. Ты меряешь?

— Обычно я. Иногда сама.

— Полезно следить за динамикой. Ну что еще... сахар чуток больше нормы, думаю, и без меня рецепт известен. Снижение веса, не есть сладкого, печеного...

Она нетерпеливо кивнула. Естественно, стандартные советы. И конечно, никто им следовать не собирается.

— Легкое малокровие, опять же соответствующее питание...

Нетерпеливый жест.

— Катаракта в начальной стадии, тут все равно придется ждать неизвестно сколько. У всех индивидуально. Могут годы пройти до операции. Небольшое снижение слуха. Решается слуховым аппаратом.

— Отказывается носить.

— Многие не хотят, стесняются, да и не особо пока нужно. Может, со временем и на улице. Запоры... льняное семя попробуйте. Народное средство, неплохо помогает. Пить тоже не мешает много. Особенно сейчас. Десять — двенадцать стаканов в день. Еще и для мочевых путей полезно. Промывает.

Так... На закуску — самое неприятное. Остеоартрит, возрастная болезнь. Результат разрушения межсуставных хрящевых прокладок. Чаще страдают колени, тазобедренные суставы.

Рентген прилагается. Причем крайне неприятная картина на правом колене и начало процесса на левом. Еще немного — и легким обезболивающим не обойдешься.

— Помочь ничем нельзя, — зло сказала Катя.

— Во-первых, твое дело — заставить ходить Алевтину Васильевну с палкой. Намного легче будет ей.

Она закатила глаза. Объяснять не нужно. Приходилось уже сталкиваться. Пока пожилой человек может таскать ноги, он упорно считает себя бодрячком и не желает пользоваться подпорками. Не все, безусловно, но деятельные люди, не

плачущие от легкой болячки и не стремящиеся обеспечить вокруг себя хоровод ухаживающих родственников. Старое поколение по большей части имеет стержень внутри и не сдаётся до самого конца. Это прекрасно, но иногда они приходят с жалобами, когда уже терпеть невозможно, однако и помочь уже нельзя. До последнего тянут.

— Во-вторых, Торговый дом Тропинина возле Арбата знаешь?

— Конечно.

— Через дорогу есть аптека Дивартяна. Отдашь фармацевту вот это, — старательно написал свое имя, то есть не с улицы заскочила, название и дозу.

Тамошнему хозяину подробно ничего объяснять не надо. Не первый год понимающим разные не включенные в официальный список препараты готовит, получая от дедушки Ма. Армянин там фактически подставное лицо, а работают китайцы целой семьей, и деньги, скорее всего, их. Отдел восточной медицины называется и под соответствующий параграф закона не подпадает. Травки всякие природные, наркота отсутствует. Проверяют регулярно, от полиции до инспекции санитарной. Только от иных рецептов шибать может почище героина. Но не злоупотребляет. Чего нет, того нет. Так я и не разобрался, кто его прикрывает, но связи должны быть серьезные.

— Можно взять на месяц или на три. Для начала — две капсулы в день. Если полегчает, уменьшить до одной. Не вылечит, но замедлит стирание хрящей. Болеть меньше станет. Козликом, впрочем, прыгать не будет.

То есть козой. Но звучит несколько неприятно, поэтому заранее смягчил.

— Облегчение гарантирую, не излечение.

— Почему никто не предлагал? — спросила Катя настороженно.

— Это не лекарство, — честно ответил я. — Народное средство. Добавка для еды. Возможно, придется всю оставшуюся жизнь употреблять. И средство недешевое. Две упаковки в месяц, пожалуй, та самая тридцатка, что с меня получите, и выйдет. И не надо ждать в первый же день облегчения и полного счастья. Однако обязуюсь, если в течение полугода не признает отсутствие болей в коленях, оплатить стоимость затраченного.

Тем более, при случае я подключусь. Боли сниму — это не то чтобы запросто, но привычно. Но не всю же жизнь рядом торчать стану.

— У меня у деда такая проблема была, — опять же честно сообщил я, — помогло, и всерьез.

Глава 3 НЕРАБОЧИЕ ОТНОШЕНИЯ

Больница имени Гааза серьезнейшим образом отличалась от большинства старых учреждений подобного рода. Ее построили в тысяча девятьсот сорок третьем в каком-то новомодном стиле в виде огромного куба. Здание снаружи аскетично, без всяких украшений. Внутри функционально и удобно. В отличие от стандартных заведений, в детском отделении стены украшены картинами со сказочными героями.

Все дело в том, каким образом создавалась клиника. Актеры «Русфильма» в начале сороковых организовали по собственной инициативе широкомасштабную и прекрасно спланированную кампанию по сбору средств на лечение онкологических заболеваний. К тому времени тиф и холера в России, если не считать повторяющихся локализованных вспышек, стали крайне редки. Оспа благодаря вакцинации пошла на убыль, про нее в последний раз слышали в начале пятидесятых. С появлением антибиотиков победили туберкулез, скарлатину, дифтерит, справились с полиомиелитом, бывшим ужасом одно время.

Победоносное шествие науки сопровождалось не только новыми изумительными лекарствами, но и строительством тысяч медицинских заведений в городах и деревнях с сороковых и по настоящее время. И тут выяснилось, что рак стал вторым по распространенности после сердечных заболеваний. Онкология — заболевание, связанное с возрастом. Риск рака молочной железы возникает в одном случае из четырехсот у тридцатилетней женщины, но возрастает до одного из девяти у семидесятилетней. В прежние времена с невысокой продолжительностью жизни люди становились жертвами туберкулеза, водянки, холеры, оспы, проказы, чумы и пневмонии, а заболеть раком попросту не успевали. Его почти не замечали за массой прочих недугов.

Идея показать несчастного ребенка и давить на жалость не слишком хорошо смотрелась, пусть телевизоры еще не у многих имелись. Но по радио и в газетах прозвучало громко, и многих зацепило всерьез. Фонд просил пожертвовать для больных всего лишь гривенник. Вполне посильная мелочь для любого. Конечно, высылали и больше, но порыв был всеобщий. В течение месяца почти три миллиона человек отправили по десять копеек. От маленьких детишек, извлекающих свои сокровища из копилки, до простых домохозяек все дружно стремились помочь. И это был вовсе не конец. Кампания по сбору средств только набирала обороты.

Тогда, получив антибиотики, все искренне верили в науку и будущую панацею от всех болезней. Надо только немного средств. Не уверен, что сегодня последовала бы такая реакция. Хотя гривенник ведь никого не разорит? По крайней мере, собранных средств хватило на две специализированные онкологические больницы с новейшим оборудованием для экспериментов и на то, чтобы основать Национальный научно-просветительский фонд против рака, до сих пор спонсирующий исследования.

В ординаторскую мне не хотелось и потому без раздумья толкнул дверь в служебную кухню. Мечталось спокойно попить кофе и подумать. Нет, не могу заявить, что встретил девушку-идеал. И даже молнией не стукнуло, как в душещипательном романе. По первому впечатлению, самостоятельная, способная оборвать и по морде дать. В рот заглядывать не станет. И все ж определенно искра проскочила. Никогда раньше такого со мной не было.

На самом деле и опыт огромный отсутствовал, не считать же однократных связей с девицами, крутящимися у спортивного зала. Есть такая странная категория, возбуждающаяся от мордобоя. А помимо этих не так много и было. Первая — из наших, мы были знакомы с детства. Все было просто замечательно, пока не выяснилось, что кроме меня есть у девушки еще двое. И она совершенно не понимала, почему я был так недоволен. А чё такого, если она пока не выбрала? Тогда было здорово неприятно и обидно.

Вторая история началась в Константинополе и оборвалась уже в Москве. Очередная моя глупость. Мог бы и сразу сообразить про отсутствие продолжения, но тогда пылал и не думал. Третья — чтоб забыть вторую, уже без особой страсти, студентка с юридического. Связь тянулась долго без перспек-

тивы развития. Она всерьез собиралась стать великим адвокатом и проводила больше времени с учебниками. Иной раз и в постели принималась разъяснять тонкости права. В один прекрасный день предпочла учебу в Оксфорде дальнейшим встречам. Верю — к сорока годам будет компаньоном в известной фирме и свой миллион на счету получит. Только мне до этого уже давно нет дела.

С Катей все шло совершенно иначе и определенно требовало углубления знакомства.

Прямо с порога услышал всхлипывания. Похоже, не один такой умный, и нашлись и другие, сбежавшие от коллектива. Впрочем, не глядя, уже знал, кто это. В онкологии нас семеро стажеров, включая меня. Куча подготовки, десяток дипломов и масса желания приносить пользу. По крайней мере, у Тани. Кроме нее, никто не проявил желания идти в детское отделение.

— Что случилось? — осторожно коснувшись плеча, спросил я. — Тебя кто-то обидел?

Она вцепилась в меня неожиданно сильными руками и принялась обильно заливать слезами халат с табличкой на груди. Оставалось только неловко гладить по голове и проклипать себя за дурость. Мог бы и не вламываться сразу, а подумать.

— Женя умер, — шмыгая носом, произнесла она через несколько минут.

Чуть не ляпнул, что в курсе. На обходе койка оказалась пустой, и лист с назначениями на спинке исчез. Все дружно делали вид, что ничего не произошло, однако догадаться легко. Симпатичный рыжий мальчишка, веселый даже в таком состоянии. Все мать утешал.

Когда я впервые вошел в детское отделение, было очень неприятно осознавать, что почти все дети в коридорах и палатах обречены и им осталось недолго. Очень тяжело смотреть на умирающих. Вдвойне — на малолеток. Взрослые вроде как пожили и получили некие удовольствия и впечатления. Эти и согрешить толком не успели.

— Я могу подменить тебя. Скажу Гурееву, — это наш куратор, — что плохо себя чувствуешь.

— Еще чего! — сердито сказала она, вытирая кулаком остатки слез и растирая под глазами тушь, отчего стала похожей на индейца на тропе войны из немецкого фильма по Карлу Мая. — Он все равно не поверит, — мысленно согласился с

Таней, он та еще скотина, — и начнет читать лекцию о невозможности принимать все близко к сердцу. «Врач должен нарастить толстую кожу», — передразнила очень похоже.

— В чем-то он прав. Два десятка в тяжелом состоянии на отделение, и за каждого переживать — никакого здоровья не хватит.

— Молчи уж! — вскричала Таня в голос. На почве гнева даже забыла про свое расстройство и слезы. Хоть какая-то польза.

— Люди смертны, — сказал я без особого сочувствия, — хуже того — внезапно смертны. Я на «скорой» такого насмотрелся...

Очень хотелось рассказать про знакомую красавицу-медсестру, изучающую мочу и кал и называющую их материалом. Нормальный человек непременно скривится, начни она объяснять про анализы. А девушке без разницы. Абстрагируется. Просто работа, за которую получает деньги.

Плохой из меня утешитель. Даже подумал, не обладает ли Таня зачатками эмпатии, раз так резко реагирует. Ничего подобного. Обычные эмоции на почве женского сочувствия и материнские инстинкты. Или привыкнет и через пару лет не вспомнит про истерику, или сгорит очень быстро. Ну здесь уж точно не мое дело.

— Иди, — сказала она уже спокойней. — Приведу себя в порядок и тоже подойду в ординаторскую.

За дверью дошло, что кофе так и не попробовал. Возвращаться за чашкой глупо. Не торопясь побрел по коридору, отвечая иногда на здравые попадающихся навстречу. В третьей палате все так же сидел Поликарп, изучая учебник.

Одиннадцатилетний пацан внезапно заболел. Температура то поднималась, то падала непонятно почему. В больнице поставили жуткий диагноз. Почти год он с небольшими перерывами провел на больничной койке. Ему сделали множество анализов, давали самые сильные лекарства и облучали на рентген-установке.

Другие лишались сна, волос, аппетита, а затем и воли жить дальше. Он одержимо верил, что сумеет вылечиться, и продолжал учить школьный курс по учебникам и конспектам. Я практически уверен, что, вернувшись за парту, затмит одноклассников своими знаниями. К сожалению, медицинская карта показывала ухудшение. Скоро он уже не сможет сидеть. И, как ни отвратительно, может быть, его смерть ста-

нет облегчением для всей семьи. Родители — обычные работники с завода и давно ухлопали все сбережения на сына. Страховка не покрывает всех процедур и такого длительного лечения. Дом уже заложен. Еще немного — и вылетят на улицу. А у них еще трое детей.

— Ты можешь выйти? — спросил я, когда он поднимает глаза.

Очень не хочется лишних ушей при разговоре, а в палате еще двое.

— Конечно, — захлопывая учебник истории и поднимаясь, согласился Поликарп.

Неторопливо побрели в сторону курилки на лестнице. Отделение все же детское, и здесь помимо врачей редко кто бывает. Почему приемные часы ограничены с двух до восьми, мне не понять совершенно. Лишь с самыми маленькими и по особому разрешению, когда уже совсем плохие, иногда позволяют сидеть родителям рядом.

— Вы курите спокойно, — говорит Поликарп тоном умудренного взрослого. Многие дети здесь быстро превращаются в старичков по поведению и разуму. Страдания не возвышают. Они лишают нормальных реакций. — Мне не мешает.

— Ты ведь не только школьные учебники изучаешь, — поинтересовался я без вопросительной интонации, закуривая. — Медицинские статьи потихоньку тоже.

— «Самый поразительный факт, — на память без запинки принялся гладко вещать Поликарп, вздохнув, — состоит в том, что никакого нового принципиального подхода ни к лечению, ни к профилактике рака так и не было представлено... Методы лечения стали более эффективными и гуманными. Грубые операции без анестезии и антисептиков сменились современными безболезненными хирургическими методами, выполняемыми с исключительной технической точностью. Щелочи, разъедающие плоть предыдущих поколений раковых больных, уступили место облучению рентгеновскими лучами и радием... Но все это не отменяет того факта, что «лечение» рака до сих пор включает только два принципа — удаление и уничтожение пораженных тканей (первое — хирургией, второе — облучением). Никакие иные методы так и не оправдались»¹.

¹ Статья в журнале «Форчун», май 1937 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Спортивные развлечения	5
<i>Глава 2.</i> Случайное знакомство	14
<i>Глава 3.</i> Нерабочие отношения	26
<i>Глава 4.</i> Непредвиденные последствия	38
<i>Глава 5.</i> Ведьмы и ведьмаки	50
<i>Глава 6.</i> Родное семейство	60
<i>Глава 7.</i> Странное убийство	73
<i>Глава 8.</i> Наследство	84
<i>Глава 9.</i> Родственные связи	97
<i>Глава 10.</i> Чистый криминал	108
<i>Глава 11.</i> Покушение	121
<i>Глава 12.</i> Очередные сложности	136
<i>Глава 13.</i> Триада	144
<i>Глава 14.</i> Такая работа	156
<i>Глава 15.</i> Чисто бизнес	167
<i>Глава 16.</i> Итог сходки	179
<i>Глава 17.</i> Настоящая журналистика	192
<i>Глава 18.</i> Не все так просто, как кажется	209
<i>Глава 19.</i> Будни главы мафии	220
<i>Глава 20.</i> Попытка диалога	229
<i>Глава 21.</i> Ловушка	243
<i>Глава 22.</i> Война продолжается	251
<i>Глава 23.</i> Успех	260
<i>Эпилог</i>	275